

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А.А. ГАЛКИН

Анализ проблемы, сформулированной в заголовке, предполагает предварительное уточнение используемых в дальнейшем основных понятий.

Разговор о понятии «цивилизация» (и, естественно, об особенностях обозначаемого им явления) предполагает его рассмотрение не как характеристику уровня на шкале поступательного развития человечества (как это принято в слывущей классической литературе), но как обозначение совокупности давних и реально существующих элементов членения мирового сообщества, в основе которого лежит специфика массового сознания, определяющего групповую и индивидуальную идентичность и, соответственно, общественное и бытовое поведение людей. В свою очередь, под инновационным развитием подразумевается нынешний этап модернизации, предполагающий особо значимый качественный скачок, обусловленный коренными переменами в сфере производства, быта и структуры общественных отношений.

Цивилизации как общественный феномен

Итак, несколько слов о цивилизациях.

Будучи продуктом индивидуального и группового опыта, накопленного столетиями, они представляют собой своеобразную субстанцию со свойствами, которыми обладают также и физические тела: сложной структурой, упругостью и инерционностью.

Глубоко ошибаются как те, кто считает лежащее в их основе массовое общественное сознание инвариантом, так и те, кто рассматривает его как что-то вроде пластилина, из которого можно по усмотрению вылепить любую фигуру. Как продукт исторического опыта, это сознание, пусть медленно, но впитывает новую информацию, перерабатывая ее в соответствии со сложившимися канонами. Вместе с тем, оно активно сопротивляется любым попыткам грубого внешнего вмешательства. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее давление, тем мощнее отдача.

Подобно иным типам реального бытия, конкретные формы массового общественного сознания имеют своеобразный жизненный цикл: они возникают, зреют, расширяются, впитывают новые элементы, членятся и, в конечном счете, уходят в небытие. Соответственно видоизменяются и цивилизации. Отсюда такие хорошо известные

исследователям феномены, как наличие мертвых, дряхлеющих и молодых цивилизаций, их слияние и распад на составные части, появление суб- и суперцивилизаций.

Весьма показательна с этой точки зрения судьба той цивилизации, которую принято называть европейской. Исторически она сложилась в результате слияния трех исходных протоцивилизаций: греческо-восточносредиземноморской, романской и гото-германской.

Процесс такого слияния был весьма непростым и продолжался на протяжении столетий. В наибольшей степени слились романская и гото-германская (впоследствии англо-саксонская) цивилизации. При этом вплоть до нынешнего века сохранились все основания различать романскую и англо-саксонскую ветви возникшего конгломерата.

Сложнее обстояло дело с греческо-восточносредиземноморской (византийской) цивилизацией. Ее обособлению в значительной степени способствовал раскол европейской христианской церкви на латинское и православное крылья. Впоследствии влияние ныне мертвой византийской цивилизации сыграло заметную роль в формировании российской и балканской субцивилизаций. Длительное соседство и, соответственно, сосуществование с протоевропейской, а затем и со сложившейся европейской цивилизацией в большой степени сказалось на общественном сознании народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Оно впитало многие установки и ценности, характерные для европейской цивилизации, сохранив во многом свою идентичность.

Одной из существенных черт европейской цивилизации была ее высокая динамичность, проявлением которой стала экспансия на вновь осваиваемые территории, расположенные за пределами Европы, прежде всего на американском и австралийском континентах. В результате европейская цивилизация потеряла свою первоначальную территориальную привязку и превратилась в своеобразный межконтинентальный феномен. Не случайно сейчас для ее наименования нередко используется другое, тоже не очень точное, прилагательное — «западная» цивилизация.

Наличие несхожих цивилизаций с самого начала обусловило непростую проблему их взаимодействия. Существует она и ныне. В условиях глобализации, которая во все большей степени определяет современный миропорядок, европейская (западная) цивилизация все активнее вторгается в домены соседних цивилизаций, оказывая разрушительное воздействие на их важнейшие системообразующие элементы — традиции, сложившийся образ жизни, конфессиональные, культурные и лингвистические основы.

У этой динамики есть свои составляющие, как объективные, так и субъективные. Первые представляют собой непосредственные производные от глобализации и стимулируются самим процессом

мирового развития в сферах производства, движения капитала, рабочей силы и т.д. Вторые порождены стремлением претендующих на геополитические приобретения держав использовать глобализацию в своих сугубо эгоистических интересах.

Было бы неверным отрицать, что воздействие европейской (западной) цивилизационной модели на иные цивилизации в ряде случаев не лишено позитивного содержания. Однако связанное с ним разрушение, идущее извне и пытающееся подменить естественное отмирание устаревших подсистем их сломом, не может не восприниматься как нечто враждебное, призванное лишить затрагиваемые экспансией народы исконной идентичности. А это, в свою очередь, создает дополнительный взрывчатый потенциал, весьма опасный для и так нестабильного современного мира.

Существует, однако, и другая сторона проблемы взаимодействия цивилизаций.

Крайне опасным последствием глобализации стало обострение межцивилизационных противоречий в результате небывалого по масштабам всплеска иммиграционных потоков в зону «золотого миллиарда». В некоторых из стран, ставших резервуаром для иммиграционных потоков, возникли многочисленные анклавные территории, в которых вновь прибывшие начали составлять большинство населения. В отличие от своих предшественников нынешние «неевропейские» иммигранты в своем большинстве не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах конфессий, отличных от традиционной для местного населения. Они сами все чаще рассматривают себя как устойчивое этническое и культурно-цивилизационное меньшинство, четко осознающее свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивать. Тем самым прежняя проблема адаптации и интеграции чужестранцев превратилась в иную — предполагающую сосуществование коренного населения с вновь образовавшимся национально-цивилизационным меньшинством.

О противоречивых последствиях беспрецедентного расширения людских потоков, направляющихся в страны с высоким уровнем жизни, происходящего на протяжении трех последних десятилетий, написано немало. И повторять уже известное не имеет смысла. Достаточно ограничиться воспроизведением выводов из того опыта, который накопился к настоящему времени

Его можно вкратце сформулировать в виде трех главных констатаций.

Во-первых, в условиях прогрессирующего старения населения, происходящего, практически, во всех развитых странах, и сохранения в них обширной сферы физического труда, непривлекательного для

автохтонного населения, пополнение рынка труда за счет иммиграции останется для них необходимым и неизбежным.

Во-вторых, при сохранении разрыва в уровнях жизни, утвердившихся в экономически развитых и в отстающих странах, при социальной и политической нестабильности, набирающей силу, главным образом, за пределами «благополучного мира», интенсивность нынешних иммиграционных потоков не только сохранится, но и будет проявлять тенденцию к росту.

В-третьих, несмотря на увеличение в этих потоках доли лиц с сравнительно высоким образованием и квалификацией, их основную массу будут по-прежнему составлять малообразованные и неквалифицированные выходцы из беднейших слоев сельского населения, цивилизационно и конфессионально чуждых образу жизни, своему коренным жителям новых стран пребывания.

Отсюда неизбежность дальнейшего углубления уже наметившихся негативных последствий. Появление многочисленных «чужаков», нередко ведущих себя непривычно, порождает враждебность местного населения к «нежелательным пришельцам», стимулирует рост ксенофобских настроений, что работает на упрочение позиций паразитирующих на них праворадикальных политических партий.

Пристального внимания заслуживают и другие процессы, вызванные переменами в системе мироустройства.

Экономические успехи стран – носителей иных, «незападных» цивилизаций, считавшихся прежде периферийными и отстающими, начинают придавать им дополнительный политический вес. Соответственно, возросли их притязания на более заметную роль в системе межгосударственных отношений. Немалое значение при этом имеет их латентная, а в ряде случаев и открытая, ориентация на реванш за прошлое неравноправное положение. На ранних этапах это выражалось не очень заметно. Однако затем отсутствие должной реакции на изменившуюся ситуацию стало сказываться все сильнее. Одно из наиболее опасных проявлений этого – назревающее (а в ряде случаев уже назревшее) глобальное напряжение отношений между исламским и христианским мирами.

Разумеется, сводить сложившуюся ситуацию к конфессиональному конфликту было бы неверным. Однако нынешняя конфессиональная оболочка является не только маскировочным покрывалом. То, что на политическом жаргоне формально именуют исламом и христианством, выступает сейчас как цивилизационные, ценностно-идеологические системы. Основу их противостояния составляет ограниченная совместимость цивилизаций, отражающая актуализированную систему противоречий между все еще доминирующими и некогда униженными, оставшими в развитии странами. Какие

формы приобретет назревающий конфликт, судить пока трудно. Но его потенциальная взрывчатая сила не вызывает сомнений.

Процессы, происходящие на цивилизационном и межкультурном уровне, естественно сказываются на всех других системах общественного организма, как групповых, так и индивидуальных. Соответственно видоизменяются содержание и интенсивность идентификации личностей. При этом с особой четкостью вырисовываются два противоположных процесса. В обществах, вырвавшихся вперед в своем развитии и в большей степени выигравших от реализации нынешней модели глобализации, ориентация групповой и индивидуальной идентичностей автохтонного населения на цивилизационные и групповые характеристики, хотя и неравномерно, но, в основном, отстает, в то время как в обществах, в которых глобальные перемены происходят в болезненной форме, соответствующая ориентация приобретает более устойчивый, нередко гипертрофированный облик.

Модернизация в прошлом и настоящем

На этом фоне и реализуется сейчас та форма модернизации, которую, как уже отмечалось выше, имеет смысл именовать инновационным развитием. Сама модернизация исторически выступала как способ реакции на неравномерное развитие общественных систем и государственных образований. Она обусловлена, главным образом, тем, что отставание в этом развитии чревато для каждой конкретной общности не только потерей своих позиций, но и угрозой самому ее существованию. Поэтому преодоление отставания и выход на уровень, достигнутый наиболее успешными сообществами, является своего рода «категорическим императивом».

Единство стимулов модернизации не исключает, однако, ее многообразия, варианты которого определяются сложным переплетением объективных и субъективных обстоятельств. Различаются эпохи, в которых она реализуется. Для одних характерно доминирование тенденций застоя, для других – преобладание процессов обновления. Многое зависит от специфики общественного строя. Он может либо тормозить развитие, либо способствовать ему. Установлено также, что тип и характер модернизации в значительной степени зависит от уровня развития, который уже достигнут конкретным сообществом. При высоком уровне оно, чаще всего, более открыто для обновления, чем при низком.

Многие черты модернизации в полной мере проявляются и на этапе инновационного развития. Но у него есть специфические особенности. Некоторые из них предельно очевидны.

Органическая интенсивность инновационного развития предполагает в каждом конкретном случае наличие следующих предпосылок: четко выраженной политической воли руководства страны,

понимания хотя бы частью властвующей элиты необходимости такого развития, как для государства, так и для нее самой, готовности представителей делового мира идти на связанные с развитием инвестиции даже в тех случаях, когда это сопряжено с очевидным риском, и высокого уровня открытости населения к новациям, обусловленного, не в последнюю очередь, его идентичностью, порождаемой цивилизационными чертами.

Масштабы преобразований, распространяющихся на все общественные структуры, предполагают значительное возрастание роли институтов, реализующих совокупный интерес общества в целом. Поэтому исходным для назревшего поворота неизбежно становится четкое определение и описание совокупности поставленных целей.

Конечно, институты, отражающие групповые интересы, тоже вносят свой вклад в это дело. Тем не менее, окончательная разработка итогового проекта требует серьезных государственных усилий. Не случайно в тех зарубежных странах, где инновационное развитие уже является официально признанным приоритетом исторического движения (в частности, в Западной Европе), выработка его принципов, в том числе определение конкретных задач, этапов продвижения к их решению, определение состава участников реализации, обеспечивающих такое движение проектов и субпроектов, степени и характера координации усилий и т.д. — поручены институтам, контролируемым государством или связанным с ним договорными отношениями.

При этом приходится считаться с тем, что современное массовое производство по сути своей инерционно, поскольку любые серьезные инновации неизбежно требуют немалых дополнительных затрат, связанных с остановкой и переналадкой сложившегося производственного процесса. Соответственно, появляется необходимость в создании на государственном уровне путем политических решений рычагов и стимулов, способных преодолеть эту инерционность, не подвергая излишним потрясениям систему производства в целом.

Это, в свою очередь, предполагает внесение существенных корректив в организацию управления производством и, что особенно важно, в систему дотаций и иных поощрений, которую следует закрепить в законодательном порядке. Соответственно повышается значимость участия в активном финансировании инноваций государственного или гарантированного государством капитала.

Инновационное развитие предполагает неограниченный доступ к всесторонней информации. Отсюда острая необходимость качественного совершенствования информационно-коммуникационных сетей.

Переход к инновационному развитию делает неизбежным принципиальное изменение отношений науки и государства. Наука в своей основной части должна не только превратиться на практике в прямую производительную силу, но и стать важнейшим рычагом

стратегии государства в области общественного производства. В какой-то степени она будет продолжать свою деятельность в качестве исполнителя заказов, отражающих групповые интересы. Однако ее основным партнером и, соответственно, заказчиком должно стать государство. При этом взаимодействие государственных структур и науки не может быть сведено к уровню отношений «хозяин – слуга». Речь должна идти о равноправном сотрудничестве, при котором не только государство ставит задачи перед наукой, но и наука ставит их перед государством.

Особенности цивилизаций и идентичность

Можно ли проследить воздействие на все эти процессы особенностей тех или иных цивилизаций и свойственной им групповой и индивидуальной идентичности? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Доминировавшая длительное время точка зрения сводилась к тому, что существуют цивилизации разного типа, формирующие различные личностные идентичности: одни стимулируют модернизацию, другие сдерживают ее. Этим-де обусловлены несопоставимые уровни развития стран с различными цивилизационными укладами.

Между тем, ссылки на историю подтверждают эту точку зрения лишь отчасти. Действительно, в прошлом нетрудно найти примеры, когда государства, относившиеся к определенному цивилизационному типу, на протяжении столетий были невосприимчивы к импульсам поступательного развития. Но нетрудно сослаться и на другой опыт, когда те же (или другие) страны, чуждые модернизации на протяжении столетий, внезапно, под влиянием обстоятельств, не меняясь цивилизационно, выходили в развитии на такие темпы, которые позволяли им наверстать упущенное в кратчайшие сроки.

Видимо, правильный ответ на поставленный выше вопрос будет звучать так. Цивилизационные особенности и обусловленные ими идентичности, безусловно влияют (позитивно или негативно) на способность общественного организма к самоусовершенствованию и развитию. Однако они не единственный фактор, определяющий этот процесс. Существует немало других обстоятельств – внутренних и внешних, которые тормозят либо стимулируют модернизационную открытость. В числе первых – исконная жесткость и устойчивость социальных и политических структур, отсутствие материальных причин, требующих изменений, абсолютная (или близкая к ней) закрытость от внешнего мира. В числе вторых – размягчение структурных перегородок и властных устоев, появление материальных стимулов, порождающих склонность к переменам, доступность внешних влияний. И к инновационному развитию это относится в полной мере.

Другое дело – конкретные модели инновационного развития. Цивилизационные особенности, как и совокупность групповых и

индивидуальных идентичностей, оказывают столь значительное влияние, что делают их непохожими друг на друга. Достаточно сравнить китайскую модель со шведской или бразильскую с немецкой.

Российская специфика

Свои особенности есть и у российского общества.

Русский этнос — стержень российской государственности — сложился и развивался на стыке различных цивилизационных влияний: духовного наследия Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, Западной Римской империи, преимущественно в германизированном варианте, и так называемого «поля» — культур кочевых народов, с которыми русские княжества соседствовали веками. И не только воевали, как можно судить по былинным сказаниям, но и поддерживали устойчивые добрососедские отношения, нередко скрепленные родственными связями. Свой отпечаток на формирование российской цивилизации наложило более чем двухсотлетнее пребывание значительной части русских княжеств в составе монголо-татарской Золотой Орды. Это обстоятельство в значительной степени сказалось на цивилизационной специфике общественного сознания населения России и на доминирующем в нем типе идентификации. Сложность исходной этнической базы как русской нации, так и других исконно проживающих на территории России народов, способствовала внедрению и закреплению в этом сознании таких нравственных качеств, как терпимость, открытость, восприимчивость, способность к взаимному духовному обогащению, ставших во многом неотъемлемыми чертами национального характера.

Аналогичные характеристики во многом свойственны и другим народам, исконно проживающим в России.

Немалую роль в формировании особых цивилизационных характеристик и типов идентификации сыграли суровые климатические условия и масштабы пространства, на котором в своем большинстве расселялись племена — предшественники населения нынешней России. Северный климат, характерный для большинства земель, ставших постоянным местом их обитания, создавая необходимость для группового поведения, служившего важным условием выживания. Отсюда, например, особая устойчивость общинных отношений, ставших неотъемлемой чертой русского социума, и связанные с этим традиции артели, взаимной помощи, взаимоподдержки и взаимовыручки. Непростые условия существования выработали у коренных жителей российских просторов и такие качества, как находчивость, нестандартное мышление, высокий уровень приспособляемости к обстоятельствам жизни.

Наличие огромных неосвоенных пространств во многих случаях способствовало сравнительно безболезненному разрешению против-

речий, неизбежно возникавших в формировавшемся общественном организме – прежде всего вокруг права собственности на землю. По крайней мере, всегда существовала возможность для одной из сторон, реагируя на назревший конфликт, уйти на новые земли.

Бытует представление, будто историческое прошлое русского народа, на протяжении многих столетий находившегося под гнетом иностранных захватчиков и своих собственных властителей, пережившего длительную полосу крепостных отношений, не имевшего традиций самоуправления, выработало у него устойчивый менталитет, основные черты которого – терпеливость, покорность, неприязнательность, неверие в свои силы и социальная пассивность.

Обращаясь к прошлому в поисках подтверждения этого представления, его сторонники обычно крайне вольно обращаются с российской историей, выдергивая из нее отдельные эпизоды. Разумеется, в истории России было немало тяжелых и даже трагических страниц. Такие страницы, естественно, не проходили бесследно для общественного сознания. Но реальная история состояла не только из этих страниц.

Непредвзятое обращение к ней позволяет выявить множество событий, вырабатывавших в общественном сознании противоположные качества. Огромные пространства, на которых расселялись восточнославянские и иные племена, сложившиеся впоследствии в русский народ, суровые условия их существования не только способствовали, но нередко, напротив, препятствовали чрезмерной централизации и, следовательно, доминированию высшей государственной власти. Отсюда широкое распространение уже на ранних этапах становления национальной самобытности начал общинного самоуправления и социальной активности. Под воздействием этой стороны истории русского народа в его сознании и, соответственно, в поведении (идентичности) утвердились такие черты, как вольнолюбие, стремление к самостоятельности в решениях и действиях, изобретательность и находчивость, а также, например, ироническое отношение к поступающим сверху указаниям и т.д. И все это причудливо переплелось с теми качествами, на которые делают упор сторонники изложенного выше представления.

Отсюда крайняя неоднозначность русского национального характера, объединившего в себе различные, в том числе противоречивые, черты. Здесь терпеливость и нетерпимость, покорность и бунтарство, пассивность и взлеты крайней активности.

Характерная особенность российской цивилизационной парадигмы – антиномичная «раздвоенность». Воздействие цивилизации, сложившейся в Западной Европе, на российское общество, возраставшее по мере модернизации России, размывало российскую специфику. Происходило это, однако, в основном в верхних эшелонах социальной пирамиды. В результате возник феномен «расщепления» российской

культуры, который не только не устранил ее специфику, но еще в большей степени ее усилил.

Как сказываются (или могут сказаться) описанные выше цивилизационные характеристики и, соответственно, свойства идентичности населения России на планируемом повороте страны к инновационному развитию, и нуждается ли она в такой его модели, которая бы принципиально отличалась от принятой в наиболее развитых странах? Представляется, что в целом положительно. И ни в какой новой модели она не нуждается.

Препятствия на пути инновационного развития у нас совсем иные. Это недостаточно четко реализуемая на практике воля политического руководства. Это консерватизм и инертность значительной части властвующей элиты. Это незрелость и примитивная потребительская ориентация нашего «делового мира». Это устойчивое недоверие значительной части населения к власти, ко всему тому, что от нее исходит.

Вот то, с чем приходится всем нам сталкиваться ныне.